

A man and a woman in Soviet military uniforms are shown from the waist up, standing back-to-back. The man on the left is in profile, facing left, wearing a brown uniform with a peaked cap and a shoulder patch. The woman on the right is also in profile, facing right, wearing a similar uniform with a peaked cap and her hair in a bun. The background is a soft-focus outdoor setting. A semi-transparent white box with the text '18+' is in the top left corner.

18+

Ангелина Цюрих

Красные. Белые

Ангелина Цюрих Красные. Белые

<https://litres.ru/74248812>

ISBN 9785007047111

Аннотация

Роман «Красные. Белые» — это эпическая история о любви, долге и выборе на фоне бурных событий начала XX века. В центре повествования — судьба Катерины Волковской, женщины, чья жизнь становится отражением эпохи перемен. От дерзкой подполковницы, не готовой мириться с условностями, до генерала армии — путь Катерины полон испытаний, побед и потерь.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Красные и белые	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	52
Глава 6	54
Глава 7	60
Глава 8	65
Глава 9	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Красные. Белые

Ангелина Цюрих

© Ангелина Цюрих, 2026

ISBN 978-5-0070-4711-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Красные и белые

*Волковский входит в жизнь Катерины,
Как тень, что стирает привычные грани,
Меняет маршруты, ломает покой,
Оставив лишь эхо за хрупкой спиной.*

Часть 1

Глава 1

1915 год. Первая мировая война, противостояние красных и белых. В России идут массовые демонстрации — каждый переулок Петербурга обagrён кровью. Волна массовых забастовок против императора прокатилась по городу.

Численность русских солдат на фронте превосходит количество войск даже тех стран, которые полностью вовлечены в войну.

Недалеко от Петербурга, в Царском Селе, находится небольшое поместье. Дом скромный, небогатый, но уютный. В поместье трудятся менее семидесяти человек.

До поместья Бранковских доходят тревожные вести о так называемой «министерской чехарде», которая разворачивается за спиной императора. Начинается гражданская война: люди убивают друг друга, разделяясь на красных и белых.

В небольшой гостиной поперёк комнаты стоит диван, перед ним — печатный столик. Именно сюда помещик Бранковский складывает свои документы и в обед читает новости, которые приносит ему управляющий поместья.

— Какой ужас... — произнёс Бранковский.

— Что-то случилось, Михаил Афанасьевич? — спросил

управляющий поместьями у своего помещика — но не хозяина.

— Посмотрите, Демьян Иванович, к чему привело правление этого жалкого Николашки в России! Бунты, кровь, вся эта министерская чехарда... Пропади она пропадом! — порывисто сказал барин, злобно кидая газету на стол.

— Знаю, знаю, барин. Вчера ездил в канцелярию по вашим бумагам — так меня там чуть не убили. Красные закидали камнями мой экипаж, но, слава Богу, я цел. Только Лизетка пострадала — лошадь ваша.

— Да бог с ней... И ещё эта война... Я уже стар, Демьян Иванович. Скоро начнут повестки присылать — и меня не оставят в стороне. Хотя мне ещё нет пятидесяти. — проговорил барин, расхаживая по комнате.

— Да что эта война! Европа должна воевать — вот Англия, Франция, Америка. А нас втягивают. Хотя сами себя называют сильными... Ну ничего, и наш час настанет, да такой настанет — будут нам руки и ноги целовать!

— Дай Бог, дай Бог, Демьян Иванович... Дай Бог. Сегодня я отправлюсь в Петербург: нужно забрать Катерину Михайловну из университета, а затем заехать в канцелярию — а может, и наоборот... Кто меня знает...

— Барин, будьте аккуратнее. Особенно осторожней, когда в лес въезжаете: там столько красных, что готовы зарезать и животному отдать на съедение. Я сам не видал, но мне рассказывали — столько нарасказывали, что я сутками есть не мог. Заманили они одну бабу — ну, по-вашему, барышню

лет тридцати. Она, вишь, гадалкою работала, по руке гадала. Попросили они её судьбу нагадать, а когда она им нагадала, денег запросила. Денег не дают, не отдают за работу — а сама-то она из наших, из белых была. Спросили у неё: «Хочешь судьбу свою узнать?» Она сразу что-то заподозрила неладное. Ну коли так — пусть говорят. Сказали, что умрёт она через минуту, и убили её... А потом над мёртвой надругались... Ох, сердце чувствует моё неладное... Ох... Ох...

— А ты меньше пей да меньше басни слушай. Пусть они писателями работают, если сочиняют такие небылицы, — сказал Михаил Афанасьевич.

Михаил Афанасьевич был старой закалки. Ему 48 лет, хотя на вид можно было дать и больше. За последнее время он сильно сдал — и, разумеется, не в лучшую сторону. В те времена ходило множество басен и небылиц о красных и белых, но Бранковский придерживался «белого» лагеря: он выступал за сохранение монархических устоев, хотя и желал свержения императора Николая II. Он не уважал его, но по характеру и убеждениям, духовным ценностям был с ним довольно схож.

Бранковский отправился в конюшню. Там его уже ждал экипаж. Убедившись, что с лошадыю, пережившей вчерашние петербургские волнения, всё в порядке, он сел в карету и поехал через поле — так можно было быстрее добраться до города, в отличие от дороги через лес.

Время шло, и спустя полчаса он уже въехал в город, а ещё

через 20 минут был у Петербургского государственного университета. Его дочь Екатерина — студентка четвёртого курса, ей 21 год, она учится на юридическом факультете. Посмотрев по сторонам, девушка быстро залезла в экипаж, поправляя маленькую шляпку и учебный сарафан.

— Отчего так рано? Обычно к моему приезду ты ещё учишься. Да и я смог приехать пораньше. Город был пуст — удивительно, что моя карета даже не встретилась с трупами людей.

— Занятие по правоведению, отец, отменили — из-за волнений. Половина студентов придерживается красных взглядов, отец. Профессора сегодня не было, и деканат нас отпустил.

— Ах, какое бесчинство! Тебе стоит подобрать место в другом университете — или лучше... Да, лучше в другом городе. — проговорил отец, давая команду кучеру ехать.

Они ехали в закрытой карете — боялись возможных столкновений во время стачек.

— Отучусь, отец, осталось три месяца — не так уж и много. А потом перееду в Москву: буду работать в коллегии юристов, заработаю на квартиру, тебе помогать стану. Возможно, тогда прекратятся наши страдания в стране... Возможно, власть достанется брату Николая Александровича.

— Надеюсь, но эта министерская чехарда меня запугивает. Так... Ладно. Ты голодна?

— Нет, отец. В случае чего я потерплю.

— Значит, голодна?

— Немного, но в первую очередь хочу разобраться с твоими делами, а потом уже обо всём остальном, — сказала Катерина.

Карета недолго ехала по петербургским улицам — по камням, мешавшим плавному ходу. Спустя некоторое время они уже были у военной канцелярии. Бранковский оставил дочь в карете, а сам вошёл в помещение. Улицы Петербурга казались безопасными, и барин не чувствовал угрозы — тем более что оставил дочь с кучером.

Михаил Афанасьевич направился в кабинет. Ему пришлось немного подождать, пока полковник закончит аудиенцию. Барин вошёл в добром здравии, они вежливо обменялись рукопожатиями, после чего чиновник налил дорогого спиртного нашему читателю — барину.

— Пейте, Михаил Афанасьевич, пейте... — проговорил почти безмолвно чиновник, протягивая ему стакан, но себе он не наливал.

— А что ж вы себе не наливаете, Константин Григорьевич? Как же я могу пить у вас на глазах, словно зажавшийся нахал?

Чиновник долго молчал. Он убрал дорогой коньяк и достал из тумбочки письмо, адресованное Михаилу Афанасьевичу.

— Вам, пан Бранковский. Почитайте... — сказал почтенный человек, после чего встал и начал вглядываться в

окно. Пейзаж был ужасен: много сломанных сучьев, на земле виднелись следы крови.

Михаил Афанасьевич быстро прочёл письмо и был шокирован. Это было извещение — призыв военного министра на войну, на западный фронт. Через неделю его должны были забрать...

— А как же поместье? Как моя дочь? Что ж мне делать, Константин Григорьевич? Сколько моих соседей полегло на этой войне — и я полягу... Чувствует моё сердце... Ноги-то нездоровые уже, сам знаешь, гангрена меня крутит...

— Знаю, знаю, друг мой. Но что я могу сделать?

Константин Григорьевич был старше господина Бранковского на 10 лет. Он был очень худ, носил мундир самого малого размера. Во лбу у него залегли глубочайшие морщины, но он оставался хорош собой. У него была молодая жена 26 лет — та самая женщина, которая родила ему наследника. Для всех он был примером, хотя общество его и осуждало. Ему было всё равно: все считали его чудаком, но внутри он отличался от остального общества — его пороком была человечность.

— Я могу, конечно, в знак нашей дружбы вам помочь... Связи с министерством у меня нет. Если мучают тебя боли, приятель мой, я поспособствую этому... Как-никак ты был рядом со мной, денег мне давал, когда все спиной ко мне повернулись, а ты... Мишка! Хороший ты мужик.

В его голосе слышался какой-то... не то деревенский, а

скорее крестьянский лексикон. Да, читатель, он происходил из крепостных, но его дед выкупил всю семью ещё за пять лет до отмены крепостного права. Сам он воспитывался в крестьянской школе, там обучался, а после поступил на службу, где проявил себя храбрым воином.

Да и пан Бранковский был воином. Он уже побывал на войне, как и его отец, и прадеды — но при этом он был потомком дворян.

— Не надо. Что ж это я? Как баба буду прятаться под юбкой — в нашем случае твоей. Не быть такому, коли хочешь! — стукнул барин кулаком.

— Но помилуйте, Михаил Афанасьевич... Голубчик, куда вам?

— Я пойду на войну — это мой долг. Пусть я болен неизлечимыми болезнями, но пойду! Пойду родину защищать... Пусть хоть там пригожусь. — Сначала он говорил вспылчиво, но потом успокоился.

— О родине думаешь, а о дочери своей думаешь? Её замуж выдать надо, а ты? Выдал бы — счастье тебе было бы. А что она дома будет делать

— ...да и тем более одна в усадьбе? Её ж там как найдут красные — возьмут, и сделают не дай бог чего... — продолжил Константин Григорьевич.

— Пусть доучится, в усадьбе она будет не одна. Стёпка, кучер мой, Демьян... Они её защитят. А сама она... Что она? За помещьем будет управлять, работу найдёт... Всё у неё бу-

дет. Я тебя спас тогда — так вот и ты её защищай. Твоя жена к ней всегда была мила. Примешь ты её? — твёрдо произнёс Бранковский.

Константин Григорьевич тяжело вздохнул, провёл рукой по морщинистому лбу и медленно опустился в кресло.

— Ох, Михайло, Михайло... Да приму, конечно, как скажешь — так и сделаю. Но подумай... Подумай, надо ли оно тебе? Не думай ты о родине, подумай о своей кровинке — одна она у тебя осталась...

— Я только и думаю о ней, хватит этих бабских слёз. Пойду, значит, пойду. Как сказал, так и будет, — голос Бранковского звучал непреклонно.

— Как скажете, господин Бранковский... Как скажете. Воля-то ваша, а нам её и в свет-то нести, — тихо ответил полковник, глядя в окно на угасающий день.

Михаил Афанасьевич поднялся, слегка покачнулся — внезапная слабость накатила волной — и оперся на край стола. Константин Григорьевич встревоженно вскинул голову:

— Да вы садьте, друг мой! Вижу же — нездоровится вам. Давайте ещё по стаканчику, да обсудим всё спокойно...

— Не надо, — Бранковский выпрямился.

Глава 2

Михаил Афанасьевич вышел из кабинета и с силой захлопнул дверь — от громкого стука секретарь господина канцлера вздрогнул и испуганно поднял глаза. Оказавшись на улице, Бранковский окинул взглядом мрачные переулки Петербурга и быстрым шагом направился к карете.

Усевшись внутри, он отдал приказ ехать и надолго замолчал. Вместо того чтобы поговорить с дочерью, он неотрывно разглядывал мелькающие за окном виды Петербурга — обшарпанные фасады домов, редкие прохожие, вывески магазинов, словно пытаясь запечатлеть в памяти каждый уголок родного города перед разлукой.

Катерина долго не решалась нарушить молчание: она видела, что отец погружён в тяжёлые мысли. Но спустя долгие минуты тишины девушка всё же решилась:

— Что-то случилось, отец? Вы вернулись подавленным, словно весь мир вас обидел, — прошептала она.

Он не отвечал — совсем не отвечал. Катерина отвернулась к окну, так и не дождавшись ответа. Грусть и тревога сжимали её сердце.

— Не хотел бы я с тобой об этом говорить... — наконец проговорил Бранковский сквозь зубы.

— Но вы скажите, батюшка! Я же ваша дочь, я вас во всём поддержу и пойму. Мы с вами одной крови, — мягко произ-

несла Катерина, взяв отца за руку.

— Уж не знаю, в чём ты, дочь моя, меня поддержишь... Повестку прислали. Через неделю мне придётся покинуть Петербург.

— На войну?..

— На войну...

Катерина побледнела — её лицо стало белее снега. В горле встал ком, она не могла вымолвить ни слова. Мир словно замер: хотелось бросить всё, пропасть, будто сгореть...

— Вы говорили с господином Червиным (Константином Григорьевичем)? Я уверена, он помог бы вам — вы у него на хорошем счету, — сказала Катерина, сжимая руку отца. Его кожа была холодной, морщинистой, немолодой.

— А какой смысл мне говорить с ним? Говорил... Предлагал он мне своё покровительство. Но я выбрал честь.

— А что же он вам предлагал вместо чести? — спросила дочь.

Бранковский надолго замолчал. Ему предлагали не просто спасение — ему предлагали сохранить жизнь ради дочери, ради её будущего. Но он выбрал не её. «Да что тут уже скрывать?» — подумал он.

— Ты уже взрослая, и ты была готова к этому разговору. Знаю, сейчас я буду эгоистом в твоих глазах... Но пойми меня, дочь. Судьба дала мне выбор между тобой и честью — я выбрал честь.

Глаза девушки наполнились слезами, но она сдерживалась

изо всех сил.

По характеру Катерина Михайловна была упрямой — в ней была почти мужская твёрдость. Она отличалась трудолюбием и храбростью, хотя и не считала себя смелой. Врождённая скромность сочеталась в ней с волевым нравом — это выделяло её среди девушек её времени. Она была воспитанна, мудра не по годам, эмоциональна, добра и ранима. А ещё природа одарила её красотой: длинными русыми волосами и обворожительными карими глазами.

— Ты взрослая... Ты должна меня понять, дочка моя. Прошу тебя. Если бы ты была маленькой, я бы не уехал, не оставил бы тебя одну.

— Ну конечно... Я бы поехала с вами, но вы всё равно выбрали бы честь, — тихо ответила Катерина.

— Ты обиделась... Обижайся, но я говорю тебе полную правду. Мне не даёт совесть себя приукрасить.

— Вы эгоистичны, — произнесла девушка твёрдо.

Отец ещё долго объяснял свою позицию, говорил и говорил, а она молчала, поставив точку одним коротким «да».

Вскоре они приехали домой. Катерина сразу ушла в свою комнату, а Михаил Афанасьевич — к себе. Девушка долго ходила взад-вперёд, не переодеваясь, размышляя о том, что теперь будет. Она знала: отец не оставит её совсем одну. Но больше всего её тревожили собственные слова и решение отца. Возможно, на его месте она поступила бы так же — но не смогла бы в этом признаться.

«Он уедет через неделю, — думала Катерина. — И если он туда отправится, я больше его не увижу...»

Оставалось только одно: поехать к Червину и попытаться договориться с ним. Но сделать это нужно втайне — придёт-ся даже пропустить учебный день в университете.

Ночь казалась бесконечной. Звёзды мерцали в небе, наступило полнолуние. Михаил Афанасьевич, наконец, уснул — усталость и тревоги сморили его.

Катерина так и не переделась в домашнюю одежду. Она ходила по комнате, надеясь, что какая-то высшая сила, словно ангел, придёт на помощь и избавит их от несчастья. Каждые полчаса девушка падала на колени перед иконой, читала молитвы, а под утро, читая очередную, упала и проспала почти всю ночь на полу.

Михаил Афанасьевич уже собрался и велел позвать дочь — сегодня у неё учебный день. Но Катерина, сославшись на недомогание, отказалась идти завтракать и ехать в университет.

Гувернантка Авдотья Петровна, пожилая женщина лет семидесяти, маленькая и очень милая, хотела навестить свою воспитанницу. Она всю жизнь провела рядом с Катериной, занималась её воспитанием. Но девушка не открыла ей дверь.

Катерина причесалась, сделала причёску, переделась в более элегантное платье, надела шляпу и вышла из комнаты. Пока слуги убирали со стола, она незаметно прошла мимо

Авдотьи Петровны — та не заметила её из-за слабого зрения.

На улице Катерина встретила Демьяна. Он остановил её и начал расспрашивать:

— И куда же вы собрались, да ещё и больная? Михаил Афанасьевич запретил мне куда-либо вас отпускать.

— Демьян Иванович, я уже достигла совершеннолетия и вправе принимать самостоятельные решения, — ответила девушка, пытаясь пройти мимо.

Демьян преградил ей путь:

— И что же это значит? Стало быть, вы меня непустите?

— Нет, — твёрдо сказал управляющий.

— Вы обязаны меня пустить, иначе я привлеку вас к уголовной ответственности, — решительно заявила Катерина.

Демьян колебался, но в конце концов уступил:

— Хорошо, ступайте. Только Стёпка поедет с вами.

— Не переживайте, батюшке это будет в радость. Он лично мне говорил, что я самостоятельна и готова к суровой жизни, — сказала девушка и, помахав Демьяну, села в карету.

Экипаж быстро доставил её в Петербург. Катерина вошла в канцелярию и стала ждать господина Червина. Из кабинета вышла пожилая женщина в слезах, а затем вошла девушка.

Червин не сразу обратил на неё внимание. Лишь когда Катерина села напротив, он поднял глаза и узнал госпожу Бранковскую.

— О! Какая прелесть! — воскликнул он, вставая и подхо-

дя к девушке. Он взял её руку, поцеловал и усадил в кресло. — Ах, как вы хорошеете с каждым днём! Почему вы нас не посещаете? Мы с супругой уже соскучились по вашей игре на пианино. Оно, представьте, запылилось!

— Времени нет для посиделок, Константин Григорьевич. Сами знаете, я учусь в университете, а учёба там сложная, особенно для женщин моего возраста, — сдержанно ответила Катерина.

— Да что вы, в самом деле... Не при царе живём, Катерина Михайловна. Точнее, при нём... Только вот скоро его не будет, а власть перейдёт к большевикам.

— Убийственно это говорить, служа царю, — произнесла девушка.

— Я надеюсь на белых, но победят красные — это очевидно. Женщинам всё больше открываются дороги в образовании... Почему именно юридическое? Почему не медицина, к примеру? — допытывался Червин.

Катерина закатила глаза — ей не хотелось делиться открытиями с канцлером.

— Давайте перейдём к делу. Время покажет, для чего я предназначена.

— Или для кого... — шутливо добавил мужчина.

— Вчера у вас был мой отец, и я знаю, что вы ему предлагали. Посодействуйте своему другу, — твёрдо сказала девушка.

— Я не понимаю... Вы хотите, чтобы я обманом отозвал

его от службы? — неуверенно спросил Червин.

— Да. Если, конечно, это возможно. Он болен, Михаил Афанасьевич не вернётся оттуда живым с его болью в ноге. Я могу вам заплатить, но надеюсь, у вас есть честь, чтобы не принять деньги, а вспомнить старую дружескую помощь моего отца, — уверенно проговорила Катерина.

Червин был поражён. Он молчал, удивляясь смелости молодой девушки.

— Как же вы быстро растёте... Смелеете. Наверное, не юридическим наукам вас в университете учат...

— Учат тому, что надо. Так что? Вы поспособствуете моему отцу?

— Конечно, я хотел бы помочь, но уже ничего нельзя изменить. Да и что я сделаю? Если ваш отец узнает, он меня уничтожит и прервёт с вами общение. Он на особом положении — как опытный военный, рекомендован самим правительством императору. Он попадёт по повестке на фронт, а там... Там будет видно. Но не переживайте: я приму вас в своё поместье, моя жена будет рада вашей компании. Батюшка ваш поручил мне найти вам

— достойного супруга, — закончил Червин.

— Примете меня как бездомного, осиротевшего котёнка? — с ненавистью спросила Катерина. — А потом замуж выдадите за такого старика, как вы?

— Да что вы себе позволяете?! Кто вы такая, чтобы меня здесь оскорблять? Ваш отец заботится о вас, а вы... Капри-

зы должны были давно прекратиться с возрастом, но, видно, они не хотят вас покидать, а вы не хотите их отпускать, — вспылil Червин.

— Не повышайте на меня голос! — порывисто проговорила девушка.

— Уходите, Катерина, и не позорьте свою воспитанность и своего отца! — резко произнёс Червин, указывая на дверь.

Катерина кивнула, словно соглашаясь с чем-то своим, внутренним. Развернувшись, она с силой хлопнула дверью — так, что бумаги на столе канцлера разлетелись по кабинету.

Девушка села в карету и велела ехать домой. По дороге она смотрела на мелькающие улицы Петербурга и лихорадочно размышляла: как спасти отца? Мысль, пришедшая ей в голову, была безумной, но... что ей терять?

«Пойду вместо него на фронт!» — решила Катерина.

Это была глупая затея — но что ещё она могла сделать? Учёбу, если захочет, закончит потом: преподаватели ценили её ум и трудолюбие. На факультете было всего три девушки, включая Катерину, и она выделялась среди студентов своими способностями.

Она начала обдумывать план. Перевоплотиться в молодого солдата — возможно ли это? В призывной записке не было возраста, только имя, фамилия и общие данные. Физически она, конечно, не соответствовала званию лейтенанта, но здоровье у неё крепкое, а стратегический ум — острый.

Карета въехала в ворота поместья. Катерина прошла в холл и спросила лакея, где её отец. Тот ответил, что Михаил Афанасьевич ещё не вернулся, но прислал записку: сегодня вечером он задержится на работе. Бранковский управлял фабрикой — небольшим, но доходным предприятием, которое отчасти служило мануфактурой.

Девушка направилась на кухню. Там сидела Авдотья Петровна — больше никого не было.

— Ой, вы уже здесь! Как быстро... Я вас не видела утром, когда вы уходили, но слышала, — загадочно произнесла старушка.

— Слышали? — недоумённо переспросила Катерина.

— Ну конечно. Я, может, и слепа, но не глухонема, Катерина.

— Отчего же вы тогда меня не остановили? Демьян Иванович пытался, но мне пришлось напомнить ему о его правах.

— Думаю, вы поступили благоразумно. Если бы вы болели, то велели бы отправить нашего управляющего вместо себя.

— Это уже моё дело, достопочтенная Авдотья Петровна. Хотела лишь предупредить вас: ужин накрывайте позднее обычного — батюшка задержится.

Катерина уже собиралась уйти, но Авдотья Петровна остановила её:

— Я надеюсь, вы замышляете поправимое... — тихо про-

изнесла старушка.

Катерина стояла спиной к ней и лишь кивнула в ответ:

— Я действую благоразумно... более чем. Не переживайте. — В её голосе звучала горечь.

Михаил Афанасьевич вернулся позднее обычного. За ужином он пригласил к столу не только Катерину, но и Авдотью Петровну, Демьяна и Стёпку. Многие помещики сочли бы такую доброту излишней, но Бранковский не обращал внимания на предрассудки: он поступал так, как велела совесть.

За столом завязался разговор. Михаил Афанасьевич пытался поговорить с дочерью, но она отвечала односложно: «да», «нет». Затем беседа перешла к обсуждению политики — Демьян и Бранковский горячо спорили о том, к чему приведёт текущая ситуация в стране.

Попушив, Катерина не доела и сразу ушла в свою комнату. Пропустив учебный день, она решила заняться научной литературой — но не дома, а в саду. Ей казалось, что там, среди деревьев и свежего воздуха, информация усваивается лучше, а мысли становятся яснее.

Была полночь. На улице не так холодно, чтобы кутаться, — лишь лёгкий летний ветерок напоминал о себе. Катерина была в простом домашнем платье, волосы распущены. Она ходила вокруг дома, иногда останавливаясь, чтобы погладить гриву лошади у повозок. Чтение давалось легче на

свежем воздухе, особенно когда речь шла о сложных юридических трактатах.

Закрыв книгу, девушка продолжила прогулку — теперь уже наедине со своими мыслями. Она перебирала в голове детали плана: как раздобыть форму, как изменить внешность, как обмануть комиссию...

Спустя двадцать минут к ней подошла Авдотья Петровна с шалью в руках. Незаметно приблизившись, она укутала плечи Катерины. Девушка вздрогнула, но, увидев гувернантку, успокоилась.

— Пора домой, Катюша. Батюшка ваш приказал пойти за вами — переживает, — сказала Авдотья.

— А отчего же сам не пошёл? — ответила Катерина, продолжая идти.

— Сами бы подошли к отцу, а не заставляли его, с не таким уж хорошим здоровьем, бегать за вами. Вы очень похожи...

Катерина остановилась, словно поражённая стрелой.

— Я не понимаю... О чём вы? То, что мой нрав схож с отцовским, я знаю.

— Ты говорила, что он эгоистичен, но поступаешь сама как эгоистка. Я уверена: ты выбрала бы только одно — свою честь. Ты так любишь свободу, что верностью никогда не будешь блистать, а только честью, — мягко произнесла Авдотья.

— Я вам больше скажу, Авдотья: я буду первой женщи-

ной, которая докажет, что не только мужчины могут стреляться за честь, но и женщины, — твёрдо сказала Катерина. — Я не желаю всю жизнь подчиняться мужчине, терпеть его кулаки, его пьянки... Общество на это закрывает глаза, а женщин осуждает. Мужчина, по мнению общества, может иметь хоть десятерых незамужних женщин — и он хорош. А мы... мы — «распутные девки».

— Общество меняется. И придёт время, когда правда будет на твоей стороне. Через столетие, два, женщины обретут могущество и будут делать всё, что сейчас доступно только мужчинам, — улыбнулась Авдотья. — Пойдём, Катюша, на улице холодно. Не дай Бог простыть. Пойдём, а то батюшка твой подумает, что ты ему врала.

Катерина послушала её, но ноги не шли — душа рвалась вдаль, к свободе. Внезапно она вырвалась из рук Авдотьи.

— Так бы я сейчас хотела стать ветерком... Не живой и не мёртвой, лететь туда, куда сама захочу... Быть независимой и жить в свободе! Сейчас бы, Авдотьюшка, взяла бы и разбежалась... А потом превратилась в ветер и улетела далеко-далеко. Летела бы, смотрела на вас сверху... И всё было бы хорошо, — мечтательно произнесла она.

— Это пройдёт, молодость твоя, и всё. Полюбишь — и будешь нуждаться в своём солнце, в своей иголке, — ласково ответила старушка.

— А как же мне понять, что это будет именно моя иголка, Авдотьюшка?

— А сердце твоё тебе само и скажет.

— А если я полюблю старика, и сердце моё скажет ему «да», но общество будет против нашего брака? А вдруг он будет французом или немцем?

— Главное, чтобы твоя улыбка всегда была при виде его. И будет тебе счастье.

— Счастье... А вы, Авдотья? Почему вы замуж так и не вышли? Вы же были красивой... Батюшка рассказывал, что женихи толпами ходили за вами по селу.

Авдотья помолчала, но, видя искренность Катерины, решила поделиться своей историей:

— Было много их здесь. Красивых и некрасивых, а любила я только одного... И всё бы отдала, чтобы жить с ним, любить его и растить его детей... — тихо продолжила Авдотья Петровна. — Звали его Алексей, Алёшенька... Алексей Владимирович Шестаков. Какой он был красивый... У нас бы с ним были очень красивые дети, как говорила моя мать.

— Статный, военный... — подхватила Катерина, пытаясь представить себе этого человека.

— Да, статный. Два года мы встречались. А потом он привёл меня в оборванном деревенском платье к своим родителям. Так сразу и не приняли меня: «Кого ты привёл?» — передразнила старушка голоса его родных. — Не одобрили они наш брак. И отец мой тоже не одобрил.

— А вы что сделали? — затаив дыхание, спросила Катерина.

— Пошли против правил. Нас обвенчали, и мы стали жить в его квартире. Его сын, Пётр Алексеевич, жил с нами — мальчик лет трёх, внебрачный ребёнок. Мы были счастливы... хоть и недолго.

Авдотья замолчала, взгляд её устремился куда-то вдаль, словно она вновь видела перед собой лицо любимого.

— Потом моя любовь покинула меня, — продолжила она глухим голосом. — Я долго горевала и назвала вон ту яркую звезду Алексеем. Всю жизнь любила смотреть на небо, в любое время года, и искать её.

— Что же стало с его сыном? Он, наверное, возраста ба-
тюшки моего, может, чуть старше...

— На войне... А может, уже и погиб — кто его знает? Мы не общались с тех пор, как умерла его бабушка.

— А от чего умерла ваша любовь, Авдотьюшка?

Старушка вздохнула, и в её глазах отразилась давняя боль:

— Убили его по случайности на охоте. Я первая в лесу нашла его тело. Сердце моё беспокоилось, болело — и я пошла туда, куда оно мне велело. К своей иголке пошла на край света: через город, в наш лес. Лошадь просила, чтобы меня туда доставили...

— Неужели любовь так влияет на нас? — прошептала Катерина, поражённая историей.

— Влияет, дитя моё. Когда идёшь к любимому человеку, не чувствуешь ни физической боли, ни моральной. Тебе всё равно — холод или жара, лишь бы к нему, и только к нему. Я

желаю тебе почувствовать это чувство, но никогда не опечалиться от него, — произнесла Авдотья, поглаживая голову Катерины. — Уже поздно, пора спать. Тебе на учёбу завтра.

— Если бы в нашей жизни было всё так просто... Не было бы войн, крови, измен, предательств... Так она сложно устроена, — вздохнула девушка.

— Люди привыкают к этому... И ты привыкнешь. Не знаю, что там задумала твоя умная голова, — мягко улыбнулась Авдотья.

— Сердце велело, голова согласилась, — тихо ответила Катерина. — Я не могу тебе сказать что, но надежда есть.

Они встали из-за стола и направились к дому. Катерина шла медленно, обдумывая услышанное. История Авдотьи Петровны словно подстёгивала её решимость: если старушка смогла пойти против воли семьи ради любви, то и она сможет пойти против судьбы ради спасения отца.

«Я должна это сделать, — твёрдо решила Катерина. — Преоденусь в мужскую одежду, раздобуду документы... Пусть это безумие, но я не позволю отцу отправиться на фронт с больной ногой. Он нужен мне здесь, живой и здоровый».

В голове уже складывался план: нужно найти старую форму, укоротить её, обрезать волосы — коротко, по-солдатски. Она умела ездить верхом, стрелять, знала основы тактики — отец учил её всему, что знал сам. Оставалось только убедить комиссию, что она — молодой офицер, готовый служить Родине.

— Авдотьюшка, — вдруг остановилась Катерина, — а если я решусь на что-то очень смелое, вы меня поддержите?

Старушка внимательно посмотрела на девушку, словно читая её мысли. Затем вздохнула и сказала:

— Я всегда буду на твоей стороне, Катюша. Но прошу тебя — будь осторожна. Любовь и честь — вещи святы, но и жизнь дорога. Не жертвуй собой без крайней нужды.

— Обещаю, — улыбнулась Катерина, хотя в душе уже знала: она пойдёт до конца.

Они вошли в дом. Ночь окутывала поместье тишиной, но в сердце Катерины бушевала буря. Завтра начнётся новая глава — глава её борьбы за отца, за его жизнь, за их будущее. И она готова была встретить её лицом к лицу.

Глава 3

Господин Червин прибыл к себе домой. Его уже ждала молодая жена вместе с их сыном. Приятная на внешность, грациозная женщина держала своего первенца.

— Ох, какой мой сын большой! Неужто он повзрослел за день, пока меня не было, Зинаида Филипповна? — спросил господин.

— Он делает большие успехи: мы уже учимся с ним разговаривать не только на русском, но и на французском языке. А как он играет... Как... Он точно будет генералом, я вам обещаю! Ах, какая у него тактика... Мой маленький великий гений! — щебетала Зинаида Филипповна, не переставая восхищаться сыном.

— «Маленький» и «великий», Зина, — несовместимые вещи. Это речевая ошибка, мой милый ангел, — сказал он своей любимой женщине, взяв её за щёку.

Зинаида Филипповна Шермен была немкой по происхождению. Её родители жили в Германии, но затем переехали в Россию на заработки. Женщина была аристократически красива: глаза — небесно-голубого цвета, а волосы — светло-рыжего оттенка. Она училась в Париже, где работала актрисой и певицей. Позже, во время гастролей в России, она встретила господина Червина, за которого впоследствии вышла замуж.

— Опять у тебя что-то случилось? Канцелярия, в которой ты работаешь, по большей части, я так думаю, проклята: каждый день у тебя отвратительное настроение. Что же на этот раз? — спросила молодая жена.

Можно заметить, что Зинаида Филипповна была очень заботлива по отношению к своей семье и при этом уверенной и решительной. Она не обладала упрямством и упёртостью, зато была настойчивой и требовательной ко всем — даже к своему сыну. Ведь она уже от маленького мальчика требовала знания двух языков, хотя ему ещё не исполнилось и четырёх лет.

— Приходила дочь господина Бранковского, — ответил Червин.

— Катерина Михайловна? Ах, как давно я её не видела... В последний раз — только на приёме у Разумковых. И зачем же она к тебе приходила?

— За отца просила, умоляла не допускать его на фронт.

— А ты ей что? — спросила женщина, закулив сигару.

— Да толком-то и ничего. Говорю: «Невозможно это», а она всё на своём и на своём, думает, всё это так просто. Думаю, она у нас некоторое время поживёт. Я предложил свою помощь Михаилу Афанасьевичу и поклялся ему, что его дочь будет в целости и сохранности.

— Ты даже не спросил моего мнения об этой девушке, — возмущённо произнесла женщина.

— Разве это твой дом, чтобы тебе решать?

— Это дом моего сына. Он носит твою фамилию, как и я,
— продолжила женщина.

— Неважно, хватит этих воплей. Ты думаешь, Катерина действительно этого захочет? Поверь, она ни ко мне, а тем более к тебе в жизнь не поедет. Уж я-то её знаю, как и её отца. Тебе лишь стоит опираться на свою совесть и меры приличия, чтобы хоть раз в месяц её приглашать.

— Какая мне уже разница, ты не спрашиваешь моего мнения.

— Я спрашиваю то, что считаю нужным.

Зинаида Филипповна промолчала, выхватила пиджак своего мужа и отдала его лакею, а сама прошла за мужем.

— Константин Григорьевич, нам стоит поговорить.

— За ужином, любезная супруга, и поговорим, а сейчас я устал. Пойду выкурю сигару, расслаблюсь, дочитаю труды Маркса, а потом уже и посмотрим.

— Я тогда пойду с вами. Я не отстану, пока вы меня не послушаете.

— Как мне дорого это женское упрямство! Ну хорошо. Надеюсь, твой разговор надолго не затянется, а то иначе у твоего мужа раньше времени деменция проявится.

Они прошли в гостиную. Червин достал сигару и предложил её также своей жене, но она отказалась, хотя очень любила это делать.

— Вы знаете, что я не буду долго тянуть. Я прямолинейна... Лёвушка уже такой большой, я подумала... Подумала,

что желаю вернуться в театр.

Червин изменился в лице — его сразу как будто перекосило от услышанного.

— Ты смеёшься? У тебя денег нет? У тебя, наоборот, всё есть. Не думаю, что это решение приветствуется, — произнёс Червин, задавая вопросы, но сам же отвечая на них.

— Это не ради денег. Я готова играть не ради них, а ради своего личного удовлетворения. Я нуждаюсь в работе, в творчестве, в раскрытии своей души театру. Я жить не могу без него...

— Ты хоть помнишь, что ты мне говорила перед алтарём? Или уже забыла? Ты поклялась, что забудешь свой театр и потратишь свою жизнь на воспитание и становление нашего сына как личности.

— Я не клялась, что покину театр. Я лишь поклялась вам, что буду развивать в нашем сыне все качества личности сильного человека. Я даже помню тот день, когда поправила вас в вашей просьбе, и вы вскоре её приняли. Ничего страшного не будет ни со мной, ни с ним, если я буду работать в театре не каждый день. А в какие-то дни с ним будет гувернантка. — И тут что-то осенило эту женщину, как будто какой-то отклик произошёл в её голове. — А что, если нанять на работу Катерину Михайловну? Ей, во-первых, до университета будет недалеко, во-вторых, она будет жить у нас и получать за свою работу деньги. Да и она умнее, чем я, она очень эрудированна. Она будет идеальным учителем

для нашего сына.

Червин долго сидел в раздумьях и в какой-то момент согласился с женой насчёт гувернантки и учителя для их сына.

— Я ей напишу, Костенька. Она согласится, я уверена, да и, думаю, её отец будет не против этой работы. Завтра напишу с утра письмо с просьбой посетить нас... Или нет... Я поеду к ней. А то будет некрасиво, если я ещё заставлю эту голубушку ехать за город ко мне, да и тем более завтра выходной день! Голубчик, вы как?

— В связи с печальными событиями в нашей империи я вынужден отклонить это предложение. Если хочешь, то поезжай.

— А что насчёт театра? — любезно спросила женщина, ожидая, что её муж изменит своё мнение.

— Я буду думать, но не думаю, что дам тебе ответ, который ты жаждешь от меня услышать, — проговорил мужчина и после этого закрыл глаза, погрузившись то ли в сон, то ли просто так.

Зинаида Филипповна нервно помотала головой, но ей больше ничего не оставалось, кроме как смириться со словами мужа и просто его проигнорировать. Она не желала ему подчиняться и сделала всё по своей воле, по велению своего сердца.

Наступило утро. Катерина проснулась в добром здравии. Авдотья принесла завтрак в её комнату, что очень удивило девушку.

— Завтрак в постель? Что-то приключилось у нас, Авдотья? Или батюшка уже не желает, чтобы я с ним завтракала? — сказала девушка, заходя за ширму.

Пока Катерина переодевала сорочку на красивое барское платье, не став заплетать волосы и предоставив это няне, она села за свой столик, взяв чашечку кофе в свои маленькие кукольные ручки. Авдотья взяла расчёску и начала мягко расчёсывать волосы Катерины. У девушки были проблемные волосы, в них было очень много колтунов, но нянюшка расчёсывала так аккуратно, словно фея или даже ангел.

— Где же батюшка, Авдотья? — спросила Катерина, попивая кофе.

— На рыбалку ушёл со Стёпкой. Рано позавтракали, не приказывал батюшка вас рано будить. Уж извольте.

— Я и не изволю. Всё равно в любом настроении моё общество надоедало бы отцу, как и матери. Ты же ведь её помнишь? — спросила Катерина.

— Конечно, помню. Как она мучилась, рыдала из-за пьянок Михаила Афанасьевича... Наверное, Бог посчитал нужным забрать её к себе. Аминь, — закончив работу над волосами, произнесла женщина.

— Я помню, как я его защищала и не понимала всей боли, которую терпела мать... Никогда себе этого не прощу.

— Вы были ребёнком, это нормально, — сказала Авдотья, сев рядом с Катериной.

— А знаешь, Авдотья... Я никогда не выйду замуж. Ни-

когда. Все они одинаковы: кто-то либо много пьёт, кто-то много изменяет, — твёрдо сказала девушка, словно поставив точку в своей жизни.

— Никогда не говори «никогда». Иначе твои слова станут ложью. Характер, конечно, у вас не такой приятный, чтобы терпеть любую участь, приготовленную вам, — сказала женщина.

Авдотья предлагала Катерине ещё кекс, но та решительно, с упёртостью отказывалась.

— Ничего не станет с вашей прекрасной фигурой, если вы скушаете ещё один, да и маленький кекс, — сказала женщина, протягивая десерт девушке.

— Милая Авдотья, не надо. Упёртость у меня мужская, сказала же «нет» — значит, нет. И более не травите мне душу.

— Ну как желаете. Вы с отцом когда поговорите?

— Думала сегодня. Ещё есть несколько дней, чтобы расставить точки над «i» в недомолвках.

— Правильно, я в этом вас абсолютно поддерживаю.

Проходил день, который протекал очень скучно, словно время повернуло вспять. Катерина не могла найти себе места. То она хотела помузицировать — и Авдотья ей пела, а она играла на пианино, то Авдотья учила её вышивать, параллельно изучая вместе с ней языки.

Буквально через два часа после того, как Катерина пробудилась, приехала госпожа Червина, Зинаида Филипповна.

Когда они увидели друг друга, то обменялись дружественными поцелуями, а затем принялись гулять по саду. Авдотье приказали приготовить чай для беседки в саду.

— Как я рада, что вы приехали, Зинаида Филипповна! Вы редко вместе с мужем навещаете нас, — сказала Катерина.

— Ох, я бы с удовольствием и чаще выбиралась из города. Поверьте мне, там так скучно... Сынок мой уже большой, его можно оставить с няней. Ах, как здесь прекрасно! Всегда мечтала жить в таком поместье, среди такой природы...

— Разве вам в Париже не нравилось?

— Париж — другое. Там всё изысканное, а здесь такое простое... Но тоже изысканное, — проговорила женщина. — Знаете ли... Я знаю, что Михаила Афанасьевича забирают на войну. Как же вы будете одни? Мой муж предложил вашему отцу помощь: к примеру, вы можете пожить у нас некоторое время. Ах, кстати, вы не нашли себе жениха? Или есть тот, к кому вы небезразличны? — спросила женщина, беря девушку за плечо.

— Ох... Нет. Может быть, и были какие-то симпатии, но они прошли. Сама, к сожалению, не понимаю... — проговорила девушка.

— У моей матери в вашем возрасте уже были дети — двое: я и мой старший брат. Только вот никак не возьму в толк, как так получается, что вас, красивую, никто не зовёт замуж?

— Я и не спешу. Хочу насладиться своей личной свободой, — твёрдо сказала девушка.

— Правильно, правильно. Если бы я была вашей матерью, я бы вам так и говорила. Но... Хотела бы донести до вашего сведения: таких свободолюбивых девушек порой считают... проститутками. А мужчин, наоборот, — героями.

— Вы только из-за этого вышли замуж, Зинаида Филипповна? — спросила Катерина. Это прозвучало очень хамливо с её стороны, и у Зинаиды Филипповны настроение изменилось — стало более резким.

— Ну что вы... Нет. Я просто полюбила и чувствую это очень чутко, Екатерина Михайловна. Я хотела говорить не об этом, и с моей стороны было весьма неприлично это спрашивать. Но я спрошу, — твёрдо произнесла женщина.

— Если вы по поводу моего переезда к вам, то не беспокойтесь: я не перееду, — уверенно сказала девушка.

— Нет, мой вопрос не в этом заключался... Я поговорила с моим мужем о намерении нанять гувернантку, но таких особ мало, а если и есть, то им нужно много платить. Я отношусь к этому весьма радикально. Мы бы хотели предложить вам эту должность — вы такая умная, начитанная, да и к вам тянутся дети, это же правда... Только прошу вас, не осмелюсь мне отказать: я очень плохо переношу отказы.

— Ну, вы и сами можете обучить вашего сына французскому языку. Да и тем более он ещё очень маленький, у него ещё детство, — ответила Катерина.

— Я собираюсь оставить домохозяйство и начать работать в театре. Это моё призвание, моя страсть, мой огонь. Я не

смогу без этого ни дня прожить, — проговорила женщина.

— Понимаю. Наверное, это хорошо — что вы возвращаетесь в театр, как для вас, так и для ваших поклонников. Но гувернанткой для вашего сына и переезжать к вам — ни за какие деньги я не могу. Учёбы много, буду искать работу.

— Для женщины будет проблематично найти работу, связанную с вашей специальностью. Наша страна в самом критичном положении, — проговорила женщина.

— Не переживайте, я знаю, что делаю. Я не желаю зависеть от мужчин — не моё это. Уж лучше я буду жить в бедности, чем зависеть от богатого мужчины-пьяницы.

— Да почему вы так относитесь к мужчинам? Не каждый бывает пошлым богатым пьяницей. Вы так думаете, что повторите судьбу своих родителей?

— Они, наверное, и заложили эту неприязнь к мужчинам.

— Поверьте, в моём обществе вы быстро найдёте себе богатого, молодого и, самое главное, не пошлого и не пьющего мужчину. У моего мужа столько молодых военных чиновников! Стоит только вас познакомить — и через месяц уже объявим о вашей помолвке.

— Зинаида... Я уже своё решение вам объявила и, к вашему сожалению, но к моей радости, его изменять не собираюсь, — проговорила девушка, отдалившись от своей гостьи.

Вскоре они уже сидели в беседке, распивали чай и говорили о житейских делах, накопившихся за время разлуки. Зинаида Филипповна поделилась своими намерениями пойти

работать в театр, и Катерина, конечно же, поддержала женщину. Но от работы, предложенной госпожой Червиной, она не стала отказываться сразу — лишь сослалась на то, что подумает и напишет весточку о своём решении.

Вскоре они попрощались. Катерина весь день провела в саду, занимаясь заданиями из университета, и лишь под вечер вернулась домой — как раз когда приехал отец. Она хотела с ним поговорить, но не решалась, как и он.

Господин Бранковский сам нашёл силы и, забыв о гордости, поговорил со своей дочерью за ужином. Сначала Михаил Афанасьевич рассказывал про свою работу, а затем дал слово Катерине. Она рассказала ему о приезде госпожи Червиной. Барин лишь нахмурился: он не любил эту особу, не доверял ей и считал скорее выскочкой, нежели хорошей женщиной.

— Я хотел поговорить вовсе не о ней и не о нас. Ты знаешь, что скоро я уеду и могу не вернуться. И поэтому я очень хотел бы, чтобы ты вышла замуж к моему, надеюсь, приезду. Возможно, я вовсе не вернусь...

— Я понимаю. Между нами воцарилось недопонимание, и я хочу попросить у вас прощения, если чем-то обидела. Но и вы... Вы ведь тоже хотели бы попросить у меня прощения?

— Я и не ссорился с тобой. Как я могу ссориться с самим собой? — спросил с улыбкой на устах Михаил Афанасьевич. — Ты же ведь часть меня, моя душа, моя кровь, и я по-особенному это ценю. Но пойми одно: ты женщина, и с этим ни-

чего не поделать. Не борись за то, чтобы оставить меня дома. Я ценю твою заботу, но я запрещаю тебе это делать.

— Я поняла вас, отец. Но всё же буду делать то, что захочу...

Они поговорили, затем распрощались и ушли по своим комнатам. Через два дня нужно было уже ехать.

Глава 4

Ночь проходила беспокойно — на душе у Катерины было тяжело. Она не стала себя долго мучить и направилась в кладовую, где хранились военный костюм отца и его саквояж с пистолетом. Девушка быстро взяла всё необходимое и ушла к себе.

Катерина переоделась в военный костюм — тот оказался ей слишком велик. Всё бы ничего, если бы не длинные волосы. Как ни было грустно с ними прощаться, девушка не заплакала. Мужественно взяв ножницы, она состригла волосы до минимальной длины — совсем как у мальчика.

Затем Катерина быстро написала прощальное письмо. Придя в комнату отца, она положила его на тумбочку и забрала его документы.

Спустя некоторое время девушка уже была во дворе, у конюшни. Выбрав самую сильную и любимую лошадь, она вывела её к выходу. Катерина окинула взглядом усадьбу — на глаза навернулись слёзы. Больше она не могла здесь оставаться. Девушка вскочила в седло и поскакала вдаль, по тропинке...

Она оказалась далеко — далеко от всех.

Уже наступало утро, когда Катерина прибыла к военному посту. Там собралось много солдат, в том числе и она. У многих проверяли документы — не обошли вниманием и

Катерину.

Очередь была долгой. Когда она дошла до девушки, военная комиссия, состоящая из чиновников, была крайне удивлена: перед ними стояла не мужчина средних лет, а юная девушка.

Пост был оживлённым: матери провожали сыновей, жёны — мужей, дочери — отцов. Все плакали так горько, что Катерине самой захотелось заплакать, глядя на этих женщин.

Примерно через час девушка услышала знакомые слова: «Михаил Афанасьевич». Она тут же подскочила и вошла в кабинет военных канцеляристов.

В помещении сидели несколько мужчин. Большинство были пожилыми, но среди них оказался и не столь возрастной — примерно ровесник её отца. Они встретили Катерину не добрым взглядом, а скорее осуждающим.

— Михаил Афанасьевич? Вам точно 48 лет? Выглядите на 16, — произнёс самый молодой из присутствующих, который был чуть моложе её отца.

— Да, но мне не 48 лет. Мне 21 год. Я... я его сын. Михаил Михайлович, так меня величают, — твёрдо сказала девушка, стараясь говорить с мужским акцентом.

Присутствующие разразились смехом, и Катерина покраснела.

— Идите-ка вы, Михаил Михайлович, платья носите да в куклы играйте — или не знаю... Что там делают современные молодые барышни? — спросил мужчина.

— А как же вас зовут? — ответила Катерина. — Да, я обращаюсь к вам, такому негодяю! Вы оскорбляете мою честь — я намерен вызвать вас на дуэль!

Чиновники ещё громче расхохотались.

— Владимир Ильич Волковский — так меня величают. Если, конечно, вам это что-то говорит, хотя, думаю, вовсе ничего. Я бы принял ваше предложение стреляться, но с женщинами, увы, я не стреляюсь, — ответил мужчина.

— Владимир Ильич — как Ленин. Правда, вам до него ещё очень далеко, но всё-таки... — произнесла девушка, пронзая мужчину взглядом.

— Вы свободны, — проговорил соседний чиновник.

Катерина выслушивала каждый подкол и смешок в свою сторону, но по-прежнему не выходила из кабинета.

— Я не выйду отсюда, пока мои бумаги не подпишут, — уверенно заявила она.

— Тогда вас выведут силой, дитя моё молодое. Ступайте с миром и выполняйте обязанности, предписанные вашему полу, — ответили ей.

Девушка промолчала, но осталась стоять на месте.

— Благородный человек не поднимет руку на женщину. У меня женское тело, но сила и сердце — мужские. Я не прошу, я требую! Мой отец болен, и только я, его кровь и родная плоть, могу ему помочь, — сказала Катерина.

— Так вы всё-таки не Михаил Михайлович? — с укором спросил Владимир Ильич.

— Нет. Мой отец — Михаил Афанасьевич, и это его повестка. Я выкрала её, чтобы спасти его. Он хороший чиновник, у него больная нога — он может погибнуть сразу же.

— На войне гибнут все, и для многих женщин это не новость. Почему же они плачут?

— Потому что их мужья уходят на фронт.

— Потому что они их уже похоронили, — в словах чиновника звучали жестокость и надменность, но вместе с тем — осознание реальности.

— Не прогоняйте же меня назад! Белые мы, красные — мы граждане одной страны. Мужчина я или женщина — какая разница? Времена смутные, и нам нужно быть заодно. Вы не пожалеете: я одолею любого мужчину! — проговорила девушка.

Военные пересмотрели своё отношение к ней. В их взглядах появилось хоть какое-то сострадание и жалость.

Но Владимир Ильич не собирался отступать. Он хотел сломить эту девушку — кто победит: он или её женское упорство?

Волковский был очень хорош собой, по-особенному красив — настоящий русский человек, словно медведь, олицетворяющий настоящего солдата. Статный, мускулистый, высокий. А глаза... Глаза были настолько голубыми, что в них можно было увидеть своё отражение — такие чистые, как небо.

— Как же ваш отец допустил такую выходку с вашей сто-

роны? — спросил Волковский, буквально пронзая девушку вопросами. Он не славился добрым нравом: напротив, был строг и даже в какой-то степени жесток, но при этом добр. Характер у него был холодный, а сердце — тёплое, но не горячее. Горделивый и честный — вот какой он был.

Катерине сразу не понравился этот военный чиновник. Не то чтобы она его возненавидела в ту же минуту, но он был ей противен. Девушка очень боялась: руки дрожали, голос подрагивал, на щеках чувствовалась горечь, но она всё же находила слова для ответа.

— Вы язык проглотили? — недовольно спросил Волковский.

— Нет... У меня достаточно смелости, чтобы вам ответить. Мой отец знает об этом, но был против. Я поступила по своей воле, — сказала она.

— Тогда мы вынуждены отправить вас домой, милая барышня. Мы принимаем только с разрешения отцов и мужей, — произнёс сидящий рядом старый чиновник в красивом военном мундире, увешанном наградами.

— С точки зрения закона я уже достигла возраста, когда могу принимать решения самостоятельно, независимо от мужских догм, — ответила Катерина.

Мужчины удивлённо переглянулись.

— Простите, вы работаете с законом? — спросил тот же чиновник.

— Я экстерном окончила юридический факультет столич-

ного университета — специально для того, чтобы пойти на фронт, — уже не так боязливо сказала Катерина.

— Екатерина Михайловна, стало быть, так. Мы с товарищами ценим ваше упорство в защите родины, вашу смелость и храбрость. Но скажите: вы понимаете, что такое война? — спросил Владимир Ильич.

— Это кровь, смерть, слёзы. Я знаю, что именно эти три компонента царят на военных фронтах. Но не переживайте: я готова к любому исходу, даже смертельному, — ответила девушка.

Чиновники переглянулись.

— Выйдите, Екатерина Михайловна. Нам нужно поговорить и принять решение о вашей кандидатуре.

— А вдруг вы меня обманете, Владимир Ильич? Я теперь не слишком вам доверяю, — настороженно сказала Катерина.

— Я человек чести. Обещаю, что через десять минут вы услышите наше решение. Подождите в коридоре, — сказал господин.

Катерина покорно вышла и стала бродить по коридору в ожидании. Вокруг было много девушек её возраста — у некоторых уже по двое-трое детей. Они провожали мужей: кто — старых, кто — таких же молодых, как и жёны. «Какие же они счастливые...» — подумалось Катерине.

Ровно через десять минут, когда девушка посмотрела на часы, вышел секретарь и вновь позвал её в кабинет.

Военные молчали и лишь протянули подписанный билет о участии в боевых действиях Михаила Афанасьевича Бранковского.

— Отныне вы не Катерина Михайловна для солдат, а мужчина. И вас будут звать так, как указано в документе. Но если мы усомнимся в вашей силе или произойдёт какой-нибудь скандал, вы тут же отправитесь домой. Всё ясно? — жёстко проговорил Волковский.

— Так точно, товарищи генералы. Я сделаю всё, что в моих силах. Буду служить верой и правдой Российской империи, — ответила девушка.

— Российской империи? Мы представляем власть Советов, — твёрдо сказал Волковский.

Катерине сразу стало ясно: перед ней — представители красного движения, выступающие за радикальные перемены и установление власти Советов.

— У каждого своё представление об идеальной власти. Я не настаиваю на участии в белом движении и не пропагандирую эту власть — просто у каждого из нас своё мнение, — сказала она.

— Какой смысл с вами говорить, когда вы видите только балы и светские общества? Ваша жизнь — в розовых очках, в отличие от здесь сидящих, — произнёс Волковский.

— Я не живу в розовых очках, сэр. Если бы я жила по вашим представлениям о моей жизни, то тогда бы на фронт я бы точно не пошла, — твёрдо ответила Катерина.

Волковский пристально посмотрел на неё, словно пытаясь прочесть мысли за этими словами. В его взгляде мелькнуло что-то новое — не насмешка, а, скорее, уважение к её упорству.

— Хорошо, Екатерина Михайловна. Вы доказали свою решимость. Но запомните: на фронте нет места сантиментам. Там выживает тот, кто умеет подчиняться приказам, держать оружие в руках и не терять голову в бою. Вы готовы к этому? — строго спросил он.

— Да, готова, — без колебаний ответила девушка. — Я знаю, что война — это не светские рауты и балы. Я готова учиться, работать и сражаться наравне с остальными.

Генерал кивнул, затем взял перо и что-то дописал в документе.

— Раз так, то отныне вы — рядовой Михаил Михайлович Бранковский. Запомните это имя и держитесь его. Один промах — и вы отправитесь домой. Никаких поблажек.

— Я понимаю, — сказала Катерина, стараясь не выдать волнения. — Спасибо, Владимир Ильич. Я вас не подведу.

— Посмотрим, — коротко ответил Волковский. — Сейчас вам выдадут форму по размеру, снаряжение и направят к старшине для распределения в подразделение. Идите.

Катерина отдала честь, развернулась и вышла из кабинета. В коридоре она на мгновение остановилась, сделала глубокий вдох и выдохнула — только сейчас она почувствовала, как сильно билось сердце всё это время.

По дороге к военной станции девушка перебирала в голове каждое слово, сказанное Волковским. В его жёсткости и требовательности она уловила не просто формальное отношение, а что-то большее — будто он проверял её на прочность, хотел убедиться, что она действительно готова к испытаниям.

«Он не верит до конца, — думала Катерина. — Но я докажу. Я стану хорошим солдатом. Не ради славы, не ради похвалы, а ради отца, ради тех, кто не может пойти на фронт сам».

Она шла по дороге, ведущей к станции, и смотрела вперёд — туда, где начиналась новая глава её жизни. Ветер развеивал её короткие волосы, а в глазах горел решительный огонь. Впереди ждали трудности, но Катерина была готова встретить их лицом к лицу.

Когда поезд тронулся, она в последний раз оглянулась на родные места. Усадьба, сад, конюшня — всё это теперь оставалось позади. Впереди была неизвестность, но впервые за долгое время Катерина чувствовала, что поступает правильно.

«Отец, я спасу тебя, — мысленно пообещала она. — Даже если весь мир будет против нас, я сделаю всё, чтобы ты остался жив».

Поезд набирал ход, унося девушку навстречу судьбе. Где-то вдали уже виднелись очертания военных лагерей, а над горизонтом поднималось солнце — яркое, беспощадное, но

дарующее надежду.

Глава 5

Катерина пришла к указанному месту. Там уже собралось множество мужчин, оставивших своих жён дома. Она обратилась почти к каждому, спрашивая, куда они направляются, — и все без исключения отвечали коротко: «На войну».

Девушка сразу ощутила пренебрежительное отношение со стороны солдат. Они мгновенно понимали, что перед ними женщина: кто-то поначалу принимал Катерину за мужчину, но тут же менял своё мнение.

Из обрывков разговоров Катерина выяснила, что их отправят на Кавказ — туда, где шли самые затяжные бои и где часто происходили столкновения с силами европейского фронта. Ещё несколько услышанных фраз подтвердили её догадку: военным командиром отряда будет именно Волковский.

«Какая жалость...» — мысленно вздохнула Катерина.

Она попыталась найти хоть кого-то для беседы, но никто не стремился завести с ней знакомство. Девушка оставалась в одиночестве.

Спустя полчаса появились господин Волковский и генерал. Волковский, полковник, посвятил всю свою жизнь защите родины и не собирался отступать от этого пути.

Когда он подошёл вместе с генералом, Катерина сразу поймала на себе его взгляд. Во время прощальной речи он

то и дело поглядывал на неё, хотя заметно старался отводить глаза. Девушка ощущала неловкость: она чувствовала на себе взгляды окружающих — и мужчин, и женщин, — в которых читалось скорее осуждение, чем восхищение.

Генерал попрощался с провожающими, а затем Волковский отдал приказ солдатам занять свои места. Всего в отряде было 50 человек — и это только на одной станции.

Глава 6

Усадьба Бранковских. Михаила Афанасьевича разбудили крики Авдотьи, но он не спешил просыпаться — сегодня у него был выходной. Мужчина лишь жалобно стонал, умоляя Авдотью прекратить.

— Батюшка, да проснитесь же, милый мой! Беда у нас, беда! — кричала Авдотья, настойчиво будя господина.

Через несколько мгновений Михаил открыл глаза и увидел перед собой заплаканную Авдотью.

— Ну, что случилось, милая ты моя старушоночка? — заботливо спросил пан, поглаживая её по лицу.

— Нет нашей Катерины, сбежала она... — слёзно проговорила Авдотья.

— Как сбежала?! — гневно воскликнул Михаил Афанасьевич. Он направился в комнату дочери и обнаружил лишь записку на столе.

Порывисто распечатав письмо, он принялся его читать: «Дорогой мой отец, я знаю: вы проснулись, и вас наверняка разбудила наша милая Авдотья. Я представляю сейчас ваш гнев и волнение из-за меня.

Я на войне. Взяв ваш военный костюм, я подписала себе судьбоносный приговор. Я пойду на жертву ради вашей жизни, и мне всё равно, что я моложе вас и что у меня ещё должна была быть впереди вся жизнь. Вы хотели погулять на

моей свадьбе, не спросив даже у меня об этом.

К вашему сожалению, я не та барышня, которая хочет всю жизнь быть зависимой от мужчины. Я — независимое существо, желающее только свободы.

Ваша Катерина всегда вас искренне любила и любит — как Авдотью, Стёпку и Демьяна. Вы заслуживаете жизни после тех мучений, что пережили, и я обязуюсь стать вашим навеки ангелом-хранителем.

Я на войне и вернусь по её окончании. Я сама не знаю, куда попаду. Знаю: в первые дни вы будете меня искать, но это ни к чему.

Ваша навеки,

Екатерина Михайловна Бранковская».

Бранковский сжал письмо и в порыве злости швырнул его в пылающий огонь.

— Ты знала, Авдотья, ты всё знала! — обвинил он, подойдя к Авдотье.

— Ну что вы, батюшка... — со страхом произнесла старушка. — Не знаю я, где она. Сердце моё чувало, что она что-то с собой сделает, а вы мне не верили... — плача, говорила женщина.

Михаил Афанасьевич позвал Степана и велел ему запрягать лошадей — ехать к Червину. Демьяну он поручил обойти соседние усадьбы: вдруг кто-то что-то видел или слышал о его дочери. Заплаканной Авдотье он дал платок, чтобы она вытерла слёзы, и наказал ждать вестей и поискать какие-ни-

будь улики об отъезде Катерины.

Михаил Афанасьевич быстро переоделся, даже не позавтракав, и в спешке уехал в Петербург, забыв надеть пиджак.

Столица ещё спала после тяжёлой рабочей недели. Меньше чем через полчаса он уже был у дома Червина — они гнали так быстро, что даже поезд не смог бы обогнать их повозку.

Велев Степану ждать его здесь, Михаил Афанасьевич направился к поместью Червина. Резко войдя в дом, он сбил с толку управляющего и лакея.

— Будите вашего господина, немедленно! — порывисто приказал Михаил Афанасьевич.

— Но, ваша светлость... Как же я буду их будить? Успокойтесь, пройдите в гостиную — там и подождёте, — сказал управляющий.

— Нет! У меня нет времени ждать — приключилась серьёзная беда!

Услышав крики, Зинаида Филипповна уже не спала — она была с ребёнком. Женщина услышала шум и отдала Лёвушку в руки служанки, приказав разбудить Константина Григорьевича. Затем она направилась в холл и попала на глаза Бранковскому.

— Господин управляющий, прикажите накрыть завтрак на три персоны. А вы, господин лакей, идите за ним и помогите, — распорядилась Зинаида Филипповна.

— Я-то вам точно ни к чему, Зинаида Филипповна. Про-

шу вас, разбудите вашего мужа, — при виде женщины Михаил Афанасьевич несколько успокоился, но всё же сдерживал свой гнев.

— Не переживайте, ваши вопли, скорее всего, его и разбудили. Что случилось? — спросила она.

— Моя дочь сбежала на войну, — ответил Бранковский. Зинаида была в шоке.

— Подождите... Что значит «сбежала»? Не может этого быть! На какой фронт? Вам что-нибудь известно?

— Только то, что она сбежала этой ночью на фронт.

— Как это? Это невозможно! Как она вас опередила? — спросила женщина.

К разговору плавно присоединился Червин, спускавшийся по лестнице в холл.

— Она выкрала у меня мой билет и, к тому же, мундир. Я вчера должен был уехать из Петербурга на поезде туда, но она опередила меня. Мне нужно попасть к ней, — объяснил Михаил Афанасьевич.

— Какая, однако, смелая Екатерина Михайловна! — проговорил Червин, поправляя рубашку.

— Не время для шуток! Я должен найти её, срочно! — выкрикнул Михаил Афанасьевич в лицо Червину.

— Поздно уже тебе рыпаться, Миша. Если она выкрала всё, что можно, тебя уже не примут на поезд — да и границы закрыты по велению императора. Набор мобилизованных окончен, — отозвался Червин.

— Это ошибка! Ты же можешь что-нибудь сделать! Поговори с министрами, с императором — может, всё-таки удастся исправить ошибки моей дочери! — взмолился Бранковский.

— Это уже твои ошибки, милый мой друг. Следить за дочкой надо было. Что уж тут поделать... Ничего, собственно говоря. Теперь ничего никому не докажешь — без её документов. Кстати, они у неё? — спросил Червин.

— Да...

— Умная, однако, у тебя дочь. В кого, правда? Вот уж я не знаю, — усмехнулся Константин Григорьевич.

— Хватит хамить, Константин! А вы не нервничайте, Михаил Афанасьевич, — вмешалась Зинаида Филипповна. — Разве невозможно что-то изменить?

— Увы... Я, конечно, постараюсь что-нибудь сделать, но тебе, Михаил, придётся самому добиваться прощения у власти. И то... Это прошение, несмотря на весь ужас, творимый в стране, будет успешным, если и примут, то только через месяцев пять. А если пойти на поклон к императору — то месяца три, не меньше. Пойми: власти всё равно на это. У них проблем в сто раз больше, чем с твоей дочерью, — заключил Червин.

— Да как ты смеешь?! — крикнул Михаил на Червина. Он подошёл к нему, но жена Червина заслонила супруга. — Ты лишь и умеешь прятаться за чужими спинами — уже и за женой прячешься! Ничего ты не стоишь... Вся эта власть

ненастоящая, как и ты. Всего вам хорошего, господа Червины! — с этими словами Бранковский ушёл, охваченный гневом и недопониманием. Он не знал, что ему делать дальше.

— Куда едем, Михаил Афанасьевич? — настороженно спросил Степан, заметив гнев своего начальника.

— К императору едем! — твёрдо ответил мужчина.

— Как к императору?! Да опомнитесь, батюшка, садитесь. Поедем домой. У него и так дел по горло, а вы тут... — возразил Степан.

— Ну конечно... Только в окошко смотрит, как девка распутная, женихов дожидается! — бросил Бранковский.

— Да бред всё это, — отозвался Степан.

— Бред говоришь? Ну тогда седлай коня — поедем в полицию, — твёрдо произнёс Бранковский, усевшись рядом со Степаном. — Ну, чего ты так уставился на меня? Поехали! — проговорил он с жёсткостью.

Карета тронулась.

Характеру Бранковского можно было позавидовать: он был твёрд и решителен, волевой и ответственный, умел принимать быстрые и непосредственные решения. Но порой эти решения оказывались не слишком благоразумными. Обычно Михаил Афанасьевич принимал их либо в состоянии опьянения, либо под влиянием сильных эмоций.

Глава 7

Катерина уселась на своё место. В купе с ней оказался пожилой мужчина — ориентировочно старше её отца лет на семь. Он был улыбчив и любезен с ней. Несмотря на ужасное настроение, девушка старалась отвечать ему взаимностью.

После того как мужчина выложил из чемодана все свои вещи, он уселся напротив Катерины.

— Ну что ж, давай познакомимся, солдат, — проговорил он. — Меня, собственно, зовут Захар Назарьевич, я из Москвы. А вы?

— Меня зовут Михаил Афанасьевич Бранковский, я из Петербурга, — ответила девушка, не глядя в глаза собеседнику.

Мужчина рассмеялся. Катерина посмотрела на него с удивлением — серьёзно и недоумённо.

— Думаете, у мужчин такие нежные пальцы, как у вас? Такой милый голосок? Я столько повидал женщин, что уж отличить сумею — даже в мундире.

— Вы правы. Я представилась под именем своего отца. Я — Екатерина Михайловна Бранковская, из Петербурга.

— М-м... Чего же ваш отец дозволил вам пойти на войну?

— Он не знает. Он — герой японской войны, вернулся оттуда с ранением в ногу. У него серьёзные проблемы с ногой, врачи говорят, что это непоправимо. Моё сердце сказа-

ло мне позаботиться об отце — и я это сделала.

— Это по-настоящему смелый поступок. Таким вы оправдали себя как рыцарь, настоящий солдат. Кстати, вы заметили, что в этом предложении я не упомянул о поле? — пылливо спросил мужчина.

— Вы, наверное, просто человек, у которого есть совесть или хотя бы стеснение. Те, кто стоял на станции, смотрели на меня не как на союзника, а как на врага.

— Для женщин и мужчин непривычно видеть женщину на войне — они просто не знают истории. Женщин-воительниц было не так уж мало в истории человечества, — проговорил мужчина, стараясь подбодрить Катерину.

— Верно... Вы, наверное, знаток истории?

— Вы очень проницательны, мадемуазель. Я — профессор истории в Московском государственном университете.

— О... Я раньше хотела поступать в Московский университет на исторический факультет. Мне тогда было 17, но отец не позволил. Возможно, я была бы вашей студенткой.

— Чего же ваш батюшка был против?

— Сказал, что с этой специальностью мне никуда не пробиться. Но, поверьте, я не оставила интереса к истории — и на юридическом факультете, который я успешно окончила досрочно, тоже изучала её.

— Ох, как замечательно! За всю жизнь у меня появился такой умный друг, как вы. С вами наверняка можно поговорить не только об истории, но и о чём угодно.

Катерина довольно кивнула.

— А с чего вы решили, что я мадемуазель, а не мадам?

— Вижу, вы понимаете различия между этими терминами. Для наших русских женщин всё равно, как их назовут, — лишь бы было приятно. А вот Франция... Там — роскошь. Но балуются там женщины похуже, чем у нас мужчины.

— И правда... Я с вами соглашусь. Так, стало быть, вы изначально не ответили на мой вопрос.

— Прошу прощения за свою невежливость. Тут нетрудно догадаться. Ну вот представьте: отпустил бы вас муж, незамужней, на войну?

— Скорее всего, многие девушки на это и ссылались бы, но я бы просто сбежала.

— Даже если бы у вас был ребёнок?

— Ну что вы... Нет, конечно. Ребёнок — это святость, посланная свыше.

— Не сомневаюсь. И не сомневаюсь, что ваш отец переживает за свою «святость». Он, наверное, объедет всю Россию в ваших поисках.

— Он может ради меня и к императору пойти, если, конечно, разозлится... Не подумала я как-то об этом. Я оставила ему записку о своём намерении, о том, что мне надоела вся эта самобытность... Этот домострой, навязываемый мне обществом. Видите ли, я должна быть послушной женой, светской дамой, чтобы разговаривать о мужьях, изменах и дорогих безделушках, подаренных мужем или любов-

ником.

— Должен вам признаться, я поражён, — с удивлением произнёс мужчина.

— Поражены? Надеюсь, в хорошем смысле.

— Даже больше — вы великолепны. Я вами восхищён. Признаться, я ценитель свободы и долгое время не женился.

— Значит, вы женаты?

— Был. Моя жена умерла 15 лет назад.

— Соболезную, — сказала девушка с чувством вины.

— Ничего страшного, вашей вины нет. Я сам отвечаю за всё, что происходит в моей жизни.

Мужчина замолчал. Катерина захотела как-то сгладить острые углы в его душе.

— Не говорите, если не хотите. А если хотите — выговаривайтесь. Поверьте, мне будет только приятно, если вы откроетесь мне. Я чувствую, что вы — единственный друг в этой толпе мужчин.

Мужчина рассмеялся:

— Ну кто же знает эту судьбу? Вдруг здесь справите свою свадьбу? Какие тут генералы... Ох, какие хорошие!

— Говорите, как какая-то девица. Как Бог даст, так и будет.

— Да почему же сразу девица? Вы видели Волковского?

— Да, и что?

— Я видел, как он на вас смотрел. Готовьтесь: он явно вас запомнил и во всех происшествиях будет вспоминать в

первую очередь вас.

— Вы будто намекаете, что он положил на меня свой грозный глаз?

— Да, — уверенно произнёс Захар.

— Я просто немного ему нахамила. Пусть знает, что земля крутится не только вокруг него и режима советской власти. Мужчина озадаченно посмотрел на Катерину.

— А я ни тех, ни других не поддерживаю, хоть мой род и происходит из потомственных дворян. Какая власть будет — такая и будет. Я согласен на всё, лишь бы работать где-нибудь и получать деньги.

— Не боитесь, что ваше имение будущая власть отнимет в пользу государства?

— Там уже другое. Я вообще не люблю думать о будущих проблемах — да и не факт, что они будут. Все проблемы должны решаться по мере их поступления, и не более того.

Глава 8

Бранковский прибыл в министерскую канцелярию — к самому министру внутренних дел, Николаю Алексеевичу Маклакову. Он ждал приёма, но, когда ему сообщили, что министр сейчас никого не принимает, не сдержался и начал громко возмущаться. Попытки успокоить его не помогали — голос Михаила Афанасьевича звучал всё громче.

— Прошу вас успокоиться — это в ваших же интересах, — проговорил секретарь.

— Пока Маклаков меня не примет, я не успокоюсь! — твёрдо ответил Бранковский.

Его громкий голос донёсся и до самого Маклакова. Через несколько минут Николай Алексеевич вышел к посетителю — грозный и крайне недовольный.

— Что здесь происходит?! — возмутился министр.

— Николай Алексеевич, к вам просится мужчина. Не говорит, по какому делу, но утверждает, что оно очень важное, — объяснил секретарь.

— Настолько важное, что нужно было кричать?!

— Если бы я не кричал, вы бы меня не услышали. Прошу выслушать безотлагательно. Ветеранов войны вы обязаны выслушать, — настаивал Бранковский.

— Ну, раз уж вы здесь, проходите, — пригласил министр в свой кабинет. Маклаков жестом указал Михаилу Афанасьеву.

вичу сесть за стол напротив. — Ну-с... Из-за чего вы, собственно, здесь?

— Моя дочь вместо меня по ошибке попала на войну. Я должен отправиться вместо неё.

— Что значит «по ошибке попала»? — недоумённо спросил министр.

— Она отправилась на фронт вместо меня. Пожалев моё слабое здоровье, она выкрала у меня военный билет и уехала сегодня ночью.

— Благородно, благородно... А что же вы от меня, собственно, хотите? — уточнил Маклаков.

— Я надеялся, что вы мне посодействуете — напишете генералам... Я должен был отправиться на Кавказ, и, по-видимому, туда уехала моя дочь.

— Для этого вам нужно было обращаться в военное министерство, — утвердительно сказал Маклаков.

— Оно не на месте — меня перенаправили к вам.

— Кто перенаправил?

— Секретари, — неуверенно произнёс Бранковский.

— Значит, им нет до этого никакого дела, и помогать они вам не станут. А вы, собственно, что думали? Что они бросятся на помощь? Не такая у нас власть.

— Поймите меня... — начал умоляюще Михаил. — Вы же тоже отец. Должен же кто-то меня понять. Я человек простой... Или позвольте мне самому уехать на войну.

— Жаль, но у меня нет дочери, чтобы так печься, как де-

лаете это вы. Я отец мальчика. И я был бы доволен, если бы мой сын поступил так же, как ваша дочь. А вы не задумались о том, почему она сбежала? — с ухмылкой спросил Маклаков.

— А вы думаете, чего хотят волевые барышни? — хмуро ответил Бранковский.

— Видимо, вам не повезло.

— Мне очень повезло с дочерью. Она настоящая, в отличие от нынешних светских барышень.

— Ну, мне с ней не жить, детей не крестить. Что же касается вас, то, увы... Можно было бы... но...

— Что? — нетерпеливо переспросил Михаил Афанасьевич.

— Границы перекрыты, и никто не смеет их открывать без разрешения императора, — утвердительно произнёс министр, закуривая сигарету.

— Тогда направьте меня к императору. Он человек верующий — он мне чем-нибудь поможет.

— Императору ни до кого нет дела. К нему приходят только с хорошими новостями, и больше ни с чем. А когда гnevят его величество, он стоит у окошка да посматривает в него. И кто всё решает? Совет министров, больше никто. Так что поезжайте домой, выпейте горячего чаю и гордитесь своей дочерью. Не переживайте так — вы думаете, она будет воевать? Её отправят в какой-нибудь кухонный полигон или медсестрой — и всё. Выживет, не берите в толк.

— Как мне не брать в толк, когда моя дочь на войне — со смертью, а не в ресторане, чтобы харчи готовить?! Вы хоть понимаете, что говорите? — с гневом проговорил Бранковский. Он порывисто встал, лицо его покраснело от ярости. — Искренне сочувствую вашим детям, потому что им не повезло с таким отцом, как вы, — твёрдо добавил он.

— А чья же вина, что она сбежала?! Если бы не вы и ваша политика в жизни, я уверен, она осталась бы дома. Как у нас там принято, у русских? Женить в 16, рожать в 17 — и сразу по 8 детей. На это вы намекаете?! — резко бросил Маклаков.

Бранковский промолчал и с гневом вышел, громко хлопнув дверью. Удар был настолько сильным, что несколько папок с бумагами упали на пол.

Когда Михаил Афанасьевич вышел из помещения, его сразу встретил Степан. Он засыпал его вопросами, но Бранковский молчал, не отвечая ни на один.

— Пропало. Всё пропало, друг мой. Теперь остаётся нам уповать на милость Бога, — наконец произнёс он.

— Что он сказал? — спросил Степан.

— А что он мог сказать? Индюк в сюртуке. Нет возможности, так он сказал.

— Да они все так говорят. Я думаю, она вернётся — не продержится среди мужиков. Сбежит — и ладно, — попытался утешить Степан.

— Да вот продержится... А как она потом оттуда выберется? Никому не известно. Границы закрыты, всё закрыто,

императору дела нет — всем правят министры, — мрачно ответил Михаил Афанасьевич.

— Ну так, вдруг границы откроют?

— Не думаю. Только к окончанию войны.

— Может, стоит ей написать письмо и передать его через почтальона? Неплохая идея, — проговорил Степан, поглаживая бороду.

— Не знаю я, Стёпка... Не знаю, что делать. Должен быть выход, что-то должно получиться... Но, кажется, нет смысла пытаться. Ничего не выйдет. Поедем домой — там и будем решать. Но знаю точно: никто мне помогать не станет.

— Даже Червин? Он же вам всем обязан, чем только можно.

— Он фальшь. Всего лишь человек, который прогнулся перед светским обществом. Не осталось сейчас настоящих людей. Генералы блядут, женщины не лучше, — горько заключил Бранковский.

Они направились к карете и уехали обратно — домой.

Глава 9

Время подходило к ночи, но в поезде было светло. Катерина решила выйти прогуляться: ей надоела болтовня с профессором, да и он сам, похоже, устал и предпочёл умиротворённый отдых.

Катерина прошла по разным вагонам. Заглянула в ресторан, но ужинать не стала — предпочла выпить кофе, чтобы хоть немного успокоить нервы. Затем она решила обойти весь поезд. В предпоследнем вагоне она наткнулась на генерала Волковского: он покурил сигарету в зоне для курящих.

— Вам что, не спится? — спросил мужчина. Он был одет по-домашнему — в простой рубашке и брюках.

— Решила прогуляться, не люблю сидеть на месте, — ответила Катерина. Она хотела пройти мимо, но Волковский остановил её озадаченным вопросом:

— Вы сторонница белого движения?

— К чему вам это знать? — настороженно спросила девушка.

— Я хочу вас предупредить. Здесь есть сторонники обоих движений, а вы... Вы к тому же девушка и совсем молодая. Большинство мужчин здесь — сторонники красного движения. В том числе и я.

— Вы думаете, я не смогу постоять за себя?

— Я уверен, вы найдёте что сказать, но что сделаете, когда на вас нападут? Я уверен, что вы не владеете ни мечом, ни даже своим телом в достаточной мере.

— Зачем вы мне это говорите? Разве вы не желаете смерти белым?

— Я всего лишь сторонник движения. Убивать ради достижения своих целей я не обязан. Вам нужно научиться драться. Вы на войне — и воевать придётся наравне с мужчинами.

— И что вы мне предлагаете? — неуверенно спросила девушка.

— Я буду вам помогать. Первое время постараюсь защитить от других мужчин, но дальше — вы сами.

Катерина прыснула от смеха:

— Действительно? Вы серьёзно хотите научить меня драться? Это звучит довольно мило... с вашей грозной стороны. Ваша фамилия словно олицетворяет вас как личность.

— Это не милость. Здесь каждый — брат другому. На поле боя мы все едины.

— Вы так грамотно говорите... Вы по образованию философ?

— Нет, я просто мыслю, как они. Ничего более. Я с самого рождения был записан в полк. Там я и умру, — твёрдо произнёс мужчина.

— В полку?

— На войне. Не иронизируйте, если не хотите попасть под

трибунал за неуважение к солдатам.

— Не переживайте, генерал, я не сломлюсь и перед этим.

— Вот и прекрасно, — прошептал генерал.

Катерина попрощалась с ним и протянула руку для рукопожатия, но он не ответил на жест.

Ночь для Катерины выдалась тяжёлой. Она ворочалась и никак не могла уснуть — и вовсе не из-за храпа соседа (тот, кстати, вовсе не храпел). Её охватывало какое-то предчувствие, тревога. Девушка думала об отце — гадала, какие чувства он испытывает сейчас или испытывал утром, когда не обнаружил дочери. Она вспоминала Авдотью, Степана, Демьяна и даже покойную матушку. Жар окутывал её, и в конце концов она задремала. Во сне ей приснился Волковский.

Наступило утро. Катерина проснулась от какого-то непонятного ощущения. Что с ней было? Она не понимала. Вся вспотевшая, она быстро переоделась, пока её немолодой попутчик завтракал в ресторане поезда. Девушка натянула военный мундир и хотела что-то сделать с волосами — может, соорудить какую-нибудь простую причёску, — но забыла. Забыла, что теперь её стрижка почти мальчишеская (хотя и чуть длиннее).

Спустя некоторое время вернулся профессор.

— О, Екатерина! Вы уже проснулись. Как приятно видеть вас в добром здравии, — он внимательно посмотрел на девушку и заметил её мокрое, покрасневшее лицо. — С вами всё в порядке? Вид у вас неважный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.